

Социум и законы эволюции. СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: ЭВОЛЮЦИОННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ("КРУГЛЫЙ СТОЛ" УЧЕНЫХ)

Автор:

Ранее в "ОНС" были опубликованы материалы "круглых столов" по проблемам "Человек и агрессия" (1993, N 2), "Человек и война" (1997, N 4), в которых участвовали известные историки, антропологи, социологи и психологи. В процессе обсуждений вырисовывался ряд предположительных зависимостей, касающихся того, как исторически эволюционировали механизмы насилия и ненасилия. В частности, была предложена гипотеза техно-гуманитарного баланса, согласно которой условием жизнеспособности общества служит соответствие между технологическим потенциалом и культурными регуляторами; поэтому развитие инструментального интеллекта посредством антропогенных кризисов и катастроф в конечном счете оборачивалось совершенствованием интеллекта гуманитарного. Все эти годы продолжались исследования, ориентированные на эмпирическую проверку, уточнение и отработку указанной гипотезы¹.

На очередном "круглом столе" присутствовали: главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук **Леонид Борисович АЛАЕВ**; профессор МГУ, доктор исторических наук **Леонид Иосифович БОРОДКИН**; старший научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации, кандидат философских наук **Владимир Аркадьевич ЛИТВИНЕНКО**; заведующий отделом клинической психологии Института психического здоровья, кандидат психологических наук **Сергей Николаевич ЕНИКОЛОПОВ**. Вел беседу член редколлегии "ОНС", профессор **Акоп Погосович НАЗАРЕТЯН**. (Исследование проводится при поддержке РФФИ, грант N 04 - 06 - 80072.)

А. П. Назаретян: Напомню, что в общем виде гипотеза техногуманитарного баланса формулируется следующим образом: *чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства ограничения агрессии необходимы для сохранения общества*. Предполагается, что закономерная зависимость между тремя переменными - технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества - служила механизмом отбора жизнеспособных социальных систем на протяжении всей истории и предыстории человечества.

Рост технологического могущества, не уравновешенный адекватными средствами культурной саморегуляции, влечет за собой всплеск экологической и/или (гео)политической агрессии, который сопровождается соответствующим состоянием массового сознания (социально-психологический синдром Предкризисного человека) и чаще всего завершается разрушением общества. Однако в ряде случаев, когда антропогенный кризис охватывает обширные регионы с высоким уровнем культурного разнообразия, его обитателям удается найти выход из эволюционного тупика. Это обеспечивается существенным изменением технологий, усложнением социальной организации, ростом информационного объема интеллекта, а также совершенствованием культурных ценностей и норм. Итогом этих (по большому счету, необратимых) преобразований каждый раз ока-

¹ За помощь при критическом обсуждении и обработке материала авторы благодарят своих коллег - психологов, философов, культурологов, биологов, географов и математиков: О. Сердюкову, В. Петренко, Г. Померанца, С. Боринскую, А. Коротаева, Н. Мироненко, С. Гринченко, И. Барыбину, Ф. Спира (F. Spier), Д. Кристиана (D. Christian).

зывается прорыв передовых культур в новую историческую эпоху, и общество, сохраняя жизнеспособность, все более удаляется от "естественного" (дикого) состояния. Таких исторических революций, следовавших за масштабными антропогенными кризисами, описано не менее семи.

Верификация гипотезы осуществляется как путем исследования конкретно-исторических (особенно кризисных и переломных) ситуаций, так и изучением выводимых из нее логических следствий. Одно из них состоит в том, что, несмотря на исторически последовательный рост убойной силы оружия и демографической плотности, число жертв социального насилия в процентном отношении к общей численности населения в долгосрочной ретроспективе не увеличивалось.

В этнографической и сравнительно-антропологической литературе мы находим множество данных, косвенно подтверждающих такое предположение. Например, исследования американского социобиолога Э. Уилсона показали, что в расчете на единицу популяции сильные хищники (львы, гиены и т.д.) в естественных условиях убивают особей своего вида чаще, чем современные люди. Полученный результат никем не оспорен, хотя был воспринят как сенсационный, поскольку известно, что животные обладают мощным инстинктивным тормозом на внутривидовую агрессию, живут не столь скученно, как люди, и, главное, имеют несравненно меньшие "инструментальные" возможности для убийства себе подобных.

Австралийские этнографы сравнили войны аборигенов и Вторую мировую войну. Как выяснилось, из всех стран-участниц только в СССР отношение человеческих потерь к численности населения превысило обычные показатели для первобытных племен.

Подобные примеры можно умножить (они приведены с необходимыми ссылками в моей книге [Назаретян, 2004]). Нам не удалось обнаружить в мировой литературе систематических целенаправленных исследований такого рода. Однако сопоставление эмпирических данных, полученных исследователями разных стран и научных специальностей, позволяет сделать предварительный вывод, что число жертв насилия в процентном отношении к общей численности населения в долгосрочной исторической ретроспективе не только не возрастало, но даже неустойчиво снижалось. При этом военные конфликты из века в век уносили приблизительно одинаковый процент человеческих жизней (за исключением ряда особенно кровопролитных эпох), а сокращение доли насильственных смертей происходило за счет бытовых убийств.

Для более тщательной проверки этого общего наблюдения мы ввели понятие *коэффициент кровопролитности* (*Bloodshed Ratio - BR*). Подчеркну, что слова "агрессия" и "насилие" нас не устроили, поскольку агрессия может выражаться в ненасильственных формах, а насилие не обязательно носит физический характер, причем даже физическое насилие далеко не всегда завершается гибелью потерпевшего. Суть нашей гипотезы состоит не в том, что люди со временем становятся менее агрессивными (напротив, как известно из психологии, уровень агрессивности возрастает с увеличением демографической плотности), а в том, что развивающаяся культура совершенствует и умножает социально приемлемые формы сублимации агрессии. Поэтому нас интересуют исключительно случаи преднамеренных убийств человека человеком, и в этом смысле "кровопролитность" представляется наиболее адекватным термином.

Жертвы социального насилия, согласно нашей гипотезе, - люди, погибшие от целенаправленного - прямого или косвенного (намеренное лишение пищи, намеренное распространение эпидемий и т.д.) - воздействия извне. Их суммарный показатель складывается из трех величин: военных жертв, жертв "мирных" политических репрессий и бытовых убийств.

Коэффициент кровопролитности мы определяем как отношение количества убийств за некоторый период времени $k(\Delta t)$ к численности сообщества за тот же период $p(\Delta t)$:

$$BR = \frac{k(\Delta t)}{p(\Delta t)}. \quad (1)$$

Данный показатель может использоваться как в этнографии для характеристики малочисленного сообщества (например, первобытное племя или союз племен) при сравнительно кратком периоде наблюдений, так и в сравнительной историографии или культурологии - при сопоставлении различных эпох. Для задач нашего исследования целесообразно принять за единицу времени столетие, а масштаб анализируемого сообщества расширить до населения Земли.

Поэтому примем $\Delta t = 100$ лет. Общее число насильственных смертей (*killings* - k) будем рассчитывать как сумму военных жертв (*war victims* - wv), жертв политических репрессий (*repression victims* - rv) и бытового насилия (*everyday victims* - ev). Интегральную численность населения Земли на протяжении века условно определим как сумму демографических показателей в начале, в середине и в конце столетия (этот далекий от совершенства способ расчета согласован со специалистами по исторической демографии; насколько нам известно, прежде понятие интегральной численности в таком контексте не использовалось). В итоге коэффициент кровопролитности века - $BR_{(c)}$ - выражается дробью

$$BR_{(c)} = \frac{\sum_{i=1}^3 k_i}{\sum_{i=1}^3 p_i} = \frac{k_1 + k_2 + k_3}{p_1 + p_2 + p_3} = \frac{wv + rv + ev}{p_1 + p_2 + p_3}, \quad (2)$$

где $k_1 = wv$ (*war victims*) - общее число военных жертв; $k_2 = rv$ (*repression victims*) - общее число жертв политических репрессий; $k_3 = ev$ (*everyday victims*) - общее число бытовых жертв; p_1 = численность населения Земли в начале столетия (1-й г.); p_2 = численность населения Земли в середине столетия (50-й г.); p_3 = численность населения Земли в конце столетия (100-й г.).

Например, если в 1901 г. население Земли составляло около 1,6 млрд., в 1950 г. - 2,5 млрд., а в 2000 г. - 6 млрд., то совокупное количество людей, живших в XX в., можно приблизительно принять за 10,1 млрд. Совокупная численность трех поколений XIX в. также условно принимается за 3 млрд. и т.д.

Во всех международных и гражданских войнах XX в. погибло, по нашим расчетам, от 100 до 120 млн. (результат, в общем, совпадает с независимыми данными других исследователей). Эти чудовищные цифры составляют около 1% живших тогда на Земле людей. (В тот же 1% оценивается доля погибших в войнах в XIX в.) Добавив к этому число погибших в быту и в политических репрессиях (по предварительной оценке экспертов, в XX в. они приблизительно совпадают с числом военных жертв или несколько превышают его), мы получим коэффициент кровопролитности XX в. (если эта предварительная оценка подтвердится, он составит 3 - 4%).

Теперь дело стало, так сказать, "за малым" - собрать эмпирические сведения о кровопролитности различных эпох. Число военных жертв оценивается по литературным и архивным источникам, еще более косвенными приемами приходится пользоваться при оценке жертв "невоенного" насилия. Разумеется, эти сведения часто неполны и противоречивы. Но поскольку речь идет только о порядке величин, принятая методика может дать общую картину исторической динамики.

Л. Б. Алаев: Ценю вашу самоиронию по поводу трудностей со сбором эмпирических данных. Тем не менее, на мой взгляд, обсуждаемая гипотеза крайне интересна и дает надежду понять, что же все-таки происходило с человечеством на протяжении всей его истории. Она, скорее всего, верна, потому что красива. Она неопровержима, поскольку базируется на двух бесспорных фактах: способность человека уничтожать себе подобных возросла на протяжении тысячелетий многократно, однако человечество продолжает существовать и даже возрастать численно. Следовательно, люди не пользуются

этой возможностью в полной мере, более того, они все сильнее сдерживают свое желание убивать. Еще удивительнее то, что рост населения, увеличение скученности, которые должны приводить к повышению агрессивности индивидов, также (пока?) не приводят к "соответствующему" росту всеобщей озлобленности. Трудно объяснить это иначе, чем предположив, что с ростом технической вооруженности человека усиливаются нравственные преграды для выражения крайних проявлений агрессивности. Встречающиеся довольно часто в литературе, даже в работах выдающихся мыслителей, высказывания типа "человек с периода палеолита ничуть не изменился" при сопоставлении этих двух фактов выглядят досужими и бессодержательными. Если бы человек не изменился, его бы давно уже не было.

Гипотеза техно-гуманитарного баланса указывает на вектор развития человечества как вектор *универсальный*, хотя сейчас почти неприлично отстаивать концепцию однолинейного развития. В ходу всякого рода "многолинейные" теории, "цивилизационный подход" и т.д.

Действительно же история многократно демонстрирует многолинейность, но постоянно в каждый данный момент одна из линий оказывается единственно продуктивной. "Многолинейность" наблюдается уже в антропогенезе. Ни один из известных ископаемых гоминид не является предком *Homo sapiens*. Все они представляют боковые ветви. И все они исчезли, в результате чего выявилась *единственная* линия генезиса современного человека.

На стадии образования стратифицированного общества (и государства) одни народы "застряли" на уровне первобытности, другие - на уровне протогосударственности (и на этом уровне они могут без конца колебаться от вожества до племени и обратно); наконец, третьи создали государства. И как бы интересны ни были примеры существования (и развития!) негосударственных обществ, в конце концов победили другие, те, кто пошли по линии создания государства. В этом смысле переход к государственности - всеобщая закономерность исторического процесса.

Следующую бифуркацию человечество испытало с возникновением античных обществ, резко отличных по своему цивилизационному коду от предшествующих им восточных, которые продолжали составлять подавляющее большинство. Это "уклонение" от, вроде бы, общего хода истории оказалось, однако, единственно продуктивным, и уже в Новое время стало ясно, что оно-то и есть "столбовая дорога" человечества.

Наконец, в новейшее время возникла "социалистическая цивилизация", которая считала себя более прогрессивной, долженствующей сменить капиталистическую в мировом масштабе. Однако эта претензия довольно быстро обнаружила свою иллюзорность, данный путь оказался тупиковым, и мы опять видим единый процесс исторического развития.

Во всех этих случаях мы можем наблюдать разные пути, но их нельзя считать равноценными и в этом смысле альтернативными. Всегда выяснялось, что один из путей - основной, а остальные - фиктивные, тупиковые, бесплодные.

Модной стала идея, что человеческие сообщества испытывали и испытывают множество вариантов эволюции, что развитие, особенно на ранних этапах, - "веерное". Одни сообщества идут по пути совершенствования техники и технологии, другие же совершенствуют какие-то иные стороны жизнедеятельности. Предположим, что это так. Но история показывает, что только один путь совершенствования оказался успешным - путь совершенствования техники, остальные же привели сообщества к состоянию незащищенности от соседей и в дальнейшем к деградации или даже к гибели социума.

В. А. Литвиненко: По-моему, то, что вы говорите, четко описывается формулами техно-гуманитарного баланса, приведенными в книге Акопа Погосовича. Развитие технологий повышает *внешнюю устойчивость* общества - степень независимости от условий внешней среды, - хотя одновременно может обусловить снижение *внутренней устойчивости*, то есть жизнеспособность общества все сильнее зависит от состояний сознания, от действий отдельного индивида и т.д.

Л. Б. Алаев: Да, я думаю, конкретный исторический материал неплохо с этим согласуется. Надо уяснить, что антропологический (этнологический) и исторический подходы к изучению процессов и явлений во многом противоположны. Антрополог исходит из того, что все культуры равноправны и имеют одинаковое право на существование. Историк же констатирует, что не все культуры сохраняются в процессе жестокого исторического отбора. Антропология "предоставляет" всем народам право на существование, но история дает его не всем. Есть народы и цивилизации, или, если хотите, "пути развития", бесперспективные, обреченные на исчезновение.

Гипотеза техно-гуманитарного баланса заставляет задуматься над тем, что и в нравственном отношении технически более развитые общества должны быть выше менее развитых. Но доказательство этой гипотезы, превращение ее в теорию пока представляется невозможным. По ее смыслу надо доказать, во-первых, что потери человечества от войн и бытовой агрессивности не увеличиваются (в процентном отношении к населению) в ходе технического прогресса и совершенствования орудий убийства. Возможности такого анализа все же просматриваются, хотя всем понятно, что данные о населении и о военных (хотя бы только) потерях в первобытности, древности и средние века довольно ненадежны.

Во-вторых, надо доказать, что возрастала "среднестатистическая" нравственность человечества. Пути исследования в этом направлении совершенно не ясны. По каким источникам можно измерить сдерживающие импульсы в человеческой психике? Скажем, до какой степени буддийско-индуистский догмат ахимсы или иудеохристианское "не убий" овладели (или овладевали) сознанием, соответственно, азиатского и европейского человека?

Локальные нарушения техно-гуманитарного баланса слишком хорошо известны, чтобы их перечислять. Когда Мао Цзэдун заявлял, что атомная война не страшна, потому что погибнут всего 300 млн. человек, зато остальные будут жить при коммунизме, это было явным разрывом между техническими возможностями и зрелостью сознания. В последнее время мы являемся свидетелями попадания современного оружия в руки людей, сохранивших средневековые нравственные устои.

Гипотеза предполагает некую "шкалу нравственности", которую можно было бы прикладывать к народам и периодам. Понятно, что один из способов двигаться по этому пути - изучение нравственного потенциала различных религий. Но тогда придется расставлять существующие в мире религии по этой шкале, объявляя одни из них более высокими, чем другие, ну а затем изучать, в какой степени провозглашаемая религиозная мораль проникла в массы верующих. Это встретит серьезное сопротивление научного сообщества, не говоря уже о том, что данный подход может быть политически опасным.

Не хочется быть пессимистом, но пока мне кажется, что гипотезе техно-гуманитарного баланса суждено остаться *мировоззренческим постулатом*. Она едва ли может стать полновесной теорией исторического процесса, правда, и в качестве постулата она заслуживает распространения среди историков, философов и теоретиков истории. Серьезным доказательством гипотезы послужит выживание человечества еще в течение ста лет. Если, конечно, это случится.

А. П. Назаретян: Спасибо, Леонид Борисович, даже за допущение того, что обсуждаемая нами гипотеза могла бы (или не могла бы) послужить "теорией исторического процесса". Конечно, мы на такое не замахивались. Речь идет об изучении одного из механизмов культурно-исторического отбора и о спецификации одного из (по меньшей мере пяти) векторов исторической эволюции, а точнее, о культурно-психологическом векторе. Этот вектор, правда, выглядит самым нетривиальным и гипотетичным, а потому мы пытаемся проверить его не только путем анализа конкретных кризисных эпизодов, но и путем долгосрочных исторических сравнений. Кроме того, я боюсь говорить о "росте нравственности": это обычно вызывает острый и, возможно, справедливый протест со стороны как антропологов, так и историков. Осторожнее следует говорить и о "совершенствовании культурно-психологической регуляции", хотя молчаливо предполагается, что именно моральные ограничения составляют ее ядро.

В. А. Литвиненко: Исследования в области военных потерь имеют давние традиции. Но с этим и связана главная трудность применительно к нашей проблеме. Обобщенные данные потерь в результате тех или иных военных действий и их отношение к общей численности населения практически отсутствуют. Их приходится собирать буквально по крупицам. Еще одна немаловажная проблема, с которой пришлось столкнуться практически сразу, это своеобразие методик подсчета военных потерь в различных странах. Например, исходя из методики, принятой в Германии времен Второй мировой войны, под Прохоровкой немцы потеряли всего пять танков, и именно эта цифра фигурирует во многих западных источниках, в то время как, по свидетельству очевидцев, поле было буквально усеяно разбитой техникой - и немецкой, и советской. Все дело в том, что само понятие "сражение" как единица анализа в советской и в немецкой традициях трактуется по-разному. Так, поле боя в первой фазе сражения осталось за немцами, а следовательно, вся подбитая техника не рассматривалась как полностью потерянная.

Примерно такое же положение с подсчетом людских потерь. Кроме того, потери противника обычно принято преувеличивать, а свои, наоборот, занижать. Разумеется, за последние два столетия статистика (преимущественно в Европе) велась более или менее скрупулезно. Но этого, к сожалению, мало. Для аргументированного доказательства правильности гипотезы необходим более глубокий временной охват.

В настоящее время мы продолжаем отработку методики сбора и интерпретации данных. Например, необходимо определиться, как следует рассчитывать коэффициент кровопролитности: выделяя при рассмотрении эпох отдельные регионы или же оценивая каждую эпоху по общемировым показателям численности потерь населения.

В настоящее время проанализирован большой объем литературы по данной проблематике. Хотя выводы делать пока рано, однако уже первые результаты позволяют заключить: исходное предположение (о том, что уровень военных потерь на всем протяжении осевого времени не превышал 1,5% от общего числа населения и даже имеет тенденцию к снижению), скорее всего, подтвердится, но с некоторыми уточнениями.

Как показывает предварительный анализ литературы (трудов Б. Урланиса, С. Авербуха, С. Нефедова и др.), первоначальные потери непосредственно в ходе боевых действий в древние века и в период раннего Средневековья составляли до 30% от общего числа населения в регионе. Очень высокие показатели, например, по Галльским войнам, по Тридцатилетней войне в Западной Европе, по войнам и восстаниям в Китае с XIV по XVII вв.

Пока нет ясности, как отделить военные потери от потерь в результате миграций населения, покидавшего пришедшие в упадок районы. Эта же проблема имеет и обратную сторону - резкое увеличение населения сразу после завершения войны в результате экспансии победителей.

Однако неустойчивое снижение процента военных потерь в долгосрочной ретроспективе, похоже, прослеживается. Например, Советский Союз и Германия понесли самые страшные потери во Второй мировой войне. Но ни в Германии, ни в СССР они не превысили, соответственно, 9,3% и 14%. Это чудовищные цифры, но речь все же не идет о 30% от населения страны, как бывало в древности или в Средневековье. Если же говорить обо всех военных потерях в XX в. (а по предварительным данным это до 120 млн. человек), то они составляют менее 1,5% интегрального (в трех поколениях) населения планеты. Вновь подчеркну, что это пока предварительные данные. Предстоит дальнейшая кропотливая работа.

Л. И. Бородин: Процесс рассекречивания архивных фондов, содержащих массивы документов советского времени, позволил историкам дать более аргументированные оценки потерь населения СССР, не связанных с военными действиями. Надо отметить, что XX в. оказался рекордным для России в этом отношении (не беру здесь во внимание фактор младенческой смертности, имевшей высокий уровень в большинстве стран до XX в.). Методология таких оценок включает сложные демографические расчеты, учитывающие неполноту источников, фальсификацию данных переписей населения 1930-х гг. и т.д. Соответствующие методики историко-демографических исследований разрабатываются.

ваются, например, в Институте российской истории РАН под руководством академика Ю. Полякова.

Главным фактором невоенных потерь населения СССР был голод. Напомню, что самым катастрофичным голодным годом в пореформенной царской России был 1891 г., когда, несмотря на усилия общества и государства, в силу неурожая от голода скончались около 400 тыс. человек. В советское время эти потери были несравненно более высокими. Кто из нас знает о голоде в СССР 1946 - 1947 гг.? А ведь по данным историков, он унес около 1 млн. жизней. Однако голодные 1921 - 1922 и 1932 - 1933 гг. унесли каждый по 7 - 8 млн. человек. Характерно название последней статьи известных историков-аграрников В. Данилова и И. Зеленина [Данилов, Зеленин, 2004]. Авторы пишут, что "Великий голод" 1932 - 1933 гг. не был обусловлен какими-либо природными катаклизмами; более того, с точки зрения погодных условий 1932 г. был лучше 1931 г., и общий валовой сбор зерна в стране в 1932 г. был выше, чем в предыдущем. Главной причиной трагедии Данилов и Зеленин считают антикрестьянскую направленность аграрной политики государства, основанной на "раскулачивании", насильственной коллективизации, хлебозаготовительном беспределе, остаточном принципе распределения по трудодням.

Немалый урон нанесли и репрессии 1930-х - 1950-х гг. За годы существования ГУЛАГа (1930 - 1959 гг.) в лагерях и колониях ОГПУ-НКВД-МВД, по данным ведомственной статистики, скончались более 1,6 млн. человек. Волна "Большого террора" 1937 - 1938 гг. унесла жизни более 680 тыс. человек, приговоренных к ВМН (высшей мере наказания); часть из них была расстреляна в лагерях. Число умерших в 1932 - 1952 гг. спецпоселенцев достигает 1 млн. человек.

Разумеется, были и другие факторы потерь населения СССР в мирное время (травматизм, алкоголизм, ДТП и т.д.). Я охарактеризовал здесь только потери, связанные с политикой государства. Их масштаб оценивается сегодня числом порядка 20 млн. человек. Это только прямые потери, сюда не включаются миллионы неродившихся, чьи потенциальные родители вошли в те самые 20 млн. человеческих жертв "мирного" времени.

В. А. Литвиненко: У меня три вопроса. Из сказанного вами следует, что по абсолютной величине жертвы "мирного" политического насилия в России XX в. безусловно перекрывают все прежние эпохи. Во-первых, так ли это на самом деле (помнится, по данным В. Ключевского, за время Петровских реформ погибли около 20% жителей России)? Во-вторых, что можно сказать об относительных показателях? В-третьих, есть ли у вас оценки по миру в целом, и возможно ли сколько-нибудь внятно представить историческую динамику по данному параметру?

Л. И. Бородин: Наши подсчеты потерь населения страны в мирное время XX в. (20 млн. человек) дают рекордные цифры по абсолютной величине, но в относительном исчислении Россия знала времена и похуже. По оценкам историков, в "смутное время" население России убавилось почти на треть; в ходе реформ Петра I податное население, действительно, уменьшилось почти на 20%. Во всех трех случаях речь идет о потерях, понесенных населением страны на интервале жизни одного поколения. Следует, правда, отметить, что причины этих потерь и степень ответственности за них государства существенно различаются.

Что касается вашего последнего вопроса, то политические репрессии появились вместе с первыми государствами, однако мне пока не известны соответствующие исследования в исторической развертке. Немецкий ученый Р. Руммель попытался дать общую картину по XX в. Он утверждает, что вне войн и других вооруженных конфликтов правительствами было убито 119,4 млн. человек, из коих 95,2 млн. - "марксистскими" правительствами [Rummel, 1990]. Но многие аналитики считают приведенные числа завышенными и политически тенденциозными.

Пожалуй, наиболее чудовищный по масштабам и формам геноцид, предпринятый против своего народа, произошел в Кампучии. Захватившая в 1975 г. власть левая группировка "красные кхмеры", установив в стране диктаторский режим кровавого тер-

рора, пыталась навязать кампучийскому народу маоистскую модель развития общества. Вся страна была превращена в огромный концлагерь. За неполные 4 года в результате террора, развала экономики и последующих голода и эпидемий погибли более 3 млн. человек, то есть почти половина населения страны. Были физически уничтожены почти вся интеллигенция, квалифицированные рабочие кадры, население городов выселено в сельскую местность, в колонии принудительного труда. Политика режима Пол Пота-Иенг Сари привела страну на грань экономической катастрофы. Кризис охватил сельское хозяйство, остановились промышленные предприятия. Были упразднены денежная система и внутренняя торговля, отменена зарплата, запрещено свободное перемещение населения, разлучены семьи, ликвидированы системы здравоохранения и просвещения.

С. Н. Ениколопов: Первое, с чем приходится столкнуться при проведении нашего исследования, это даже не процедура поиска данных, а процедура определения предмета. Например, существует много определений насилия. Практически во всех случаях под ним понимают применение силы, ущемляющее основные человеческие потребности: в обеспечении условий выживания, в благополучии, в групповой идентичности, в свободе. Однако при дальнейшей конкретизации возникают трудности. Известный исследователь этой проблемы И. Галтунг выделил три формы насилия: прямое, структурное и культурное, причем каждая имеет также свои подварианты. По меньшей мере два из этих понятий применимы и к феноменологии преднамеренных убийств. Чтобы проиллюстрировать различие между "прямыми" и "структурными" убийствами, приведу страшные примеры, касающиеся инфантипиды.

По свидетельству антропологов, первобытные племена, как правило, легко отделяются от "лишних" младенцев, особенно девочек, однако делают это по-разному. В одних племенах (например, у южноамериканских индейцев аше) до половины новорожденных девочек "приносят в жертву", то есть попросту закалывают. В других (например, у африканских бушменов) оставляют младенцев на покидаемых стоянках, где их съедают хищники. При этом туземцы искренне убеждены, что они вовсе не убивают детей, а просто откладывают их появление на свет. В книге американского ученого Л. Демоза [Демоз, 2000] приведено множество свидетельств того, как еще в XIX в. в европейских и других странах родители отделялись от "ненужных" детей. А вот Л. Толстой в "Воскресении", описывая историю Масловой-старшей - матери Катюши, отмечает, что эта незамужняя женщина рожала каждый год и, *как это обычно делается по деревням* (именно так пишет Толстой), ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося, ненужного и мешавшего в работе ребенка, и он скоро умирал от голода.

Поскольку варианты "структурных" убийств чрезвычайно многообразны, они очень трудно поддаются выявлению и тем более количественной оценке. Уже в археологических раскопках древних гоминид ученые обнаружили следы агрессии - сломанные ребра, пробитые черепа. Более того, иногда в скелетах обнаруживают фрагменты оружия. Подобные данные делают очевидным вывод о насилии среди наших далеких предков, что подтверждается многочисленными этнографическими наблюдениями. Например, в племени Йаноинамо в Венесуэле по крайней мере один из четырех взрослых мужчин погибает насильственной смертью либо от рук соплеменников, либо в результате войн с соседними племенами. К этому следует добавить убийства детей, женщин и стариков. Авторитетный антрополог Дж. Даймонд, обобщив богатый опыт собственных полевых исследований и критически осмыслив данные своих коллег, заключил, что преднамеренные убийства служат основной причиной смертности в первобытных обществах [Diamond, 1999]. Все это позволяет говорить об очень высоком "коэффициенте кровопролитности". Похоже, что показатель 0,05 (то есть 5 искусственно умерщвленных за год в племени численностью 100 человек) не является исключительным даже в мирное время; для современного общества такой коэффициент кровопролитности означал бы жесточайшую гражданскую войну.

Между тем среди современных исследователей агрессивного поведения и насилия общим местом является мнение, что по мере развития цивилизации возросло не только число захватнических войн, но и их жестокость. Это подтверждают данными о частоте

войн - от первобытных до высокоразвитых культур. Самое низкое их число у примитивных племен без постоянного лидера, а самое высокое - у мощных держав с сильной правительственной властью.

К. Райт привел следующие данные о числе сражений, начиная с 1480 г., с участием важнейших европейских держав Нового времени [Wright, 1942]. В период с 1480 по 1499 г. таковых было 9; с 1500 по 1599 г. - 87; с 1600 по 1699 г. - 239; с 1700 по 1799 г. - 781; с 1800 по 1899 г. - 651; с 1900 по 1940 г. - 892.

Здесь, правда, опять-таки возникают вопросы о том, что следует считать "сражением", "войной". Эти "семантические" вопросы бурно обсуждаются в специальной литературе, и о них уже упоминал Владимир Аркадьевич. Что касается количества конфликтов вообще, оно, конечно, возрастает с численностью и плотностью населения. Логично и то, что возрастает их кровопролитность по абсолютной шкале: общее число военных жертв в XX в. сравнимо с предыдущими тремя тысячелетиями. Однако введенное нами понятие "коэффициент кровопролитности" исключает прямолинейное решение вопроса о якобы возрастающей жестокости людей.

Чрезвычайно интересен и вопрос о причинах социальных конфликтов, который и политики, и подчас даже ученые также склонны решать прямолинейно. Здесь отмечу только, что, по данным антропологов, частота вооруженных столкновений между первобытными племенами слабо зависит от "экономической" ситуации: сражаются и в голодные годы, и в годы обильной охоты - только мотивы войны в этих случаях различны. Еще удивительнее, что, как показал московский исследователь А. Казанков, частота войн положительно коррелирует с благополучностью природной среды, то есть в суровых условиях первобытные племена воюют значительно реже, чем в благоприятных. С переходом к неолиту такая зависимость сразу исчезает - возникают дополнительные мотивы: грабеж, обогащение и т.д. [Казанков, 2002].

А. П. Назаретян: Напрашивается вывод, что первичными причинами войны все-таки служат функциональные потребности (в том числе духовные), тогда как предметные (включая экономические) исторически и мотивационно вторичны.

С. Н. Ениколопов: Да, получается так. Это подтверждают и психологические данные, касающиеся современного общества. Наши сопоставительные оценки показали, что во время войн уменьшается количество криминальных убийств и самоубийств, причем количество самоубийств уменьшается как в воюющих, так и в нейтральных странах.

К сожалению, политики охотно прибегают к приемам запугивания обывателей, объявляя крестовый поход то против преступности, то против соседнего государства. Специалисты часто сталкиваются с тем, что их сугубо академические работы используются не столько для понимания проблем агрессии и насилия, сколько для достижения конъюнктурных целей. Так, в СССР исследования по психологии агрессии были табуированы, поскольку идеологи считали, что этологический подход к агрессивному поведению обесмысливает усилия партии и правительства в борьбе за мир. Во многих странах существенно различаются сведения о потерях (неестественной убыли). Исследователи отмечают неполноту, отсутствие, а иногда и фальсификацию данных. Даже в развитых странах Европы и Америки статистика преступлений в пропагандистских целях искажается иногда на порядок. Это особенно касается насильственной и молодежной преступности.

Разумеется, статистические сведения суть лишь первичный материал. Важно учитывать системно-структурные изменения анализируемого социального явления. Динамика бытового насилия подчиняется как законам развития общества, так и законам саморазвития преступности. Отечественный криминолог Г. Забрянский показал, что в периоды стабилизации общественной жизни большое влияние на преступность оказывают ее собственные законы развития, в периоды дестабилизации - социальные закономерности [Забрянский, 1997].

Гипотеза техно-гуманитарного баланса и выработанный в ее рамках относительный индикатор помогают развенчать распространенные мифы о растущей жестокости об-

щества, о моральном превосходстве романтического дикаря перед цивилизованными людьми и проч. Несмотря на все недостатки официальной статистики, мы планируем использовать наличные данные по криминальному насилию, наряду с археологическими, этнографическими и прочими сведениями, для проверки и отработки предложенной гипотезы. В частности, мы зондируем временные и региональные колебания в проявлении насилия, а также особенности восприятия насилия в зависимости от социальных представлений о данном регионе, стране и эпохе.

А. П. Назаретян: Итак, сегодня можно говорить о первых результатах, которые в целом согласуются с гипотезой, хотя до фундаментальных итогов пока далеко. Важно, что выявлены и обозначены основные трудности, с которыми приходится сталкиваться при исследовании такого рода. В заключение выскажу одно соображение методологического порядка.

Если наши выводы справедливы, то "энергетическая" концепция, предложенная американским ученым Л. Уайтом и ставшая одной из самых влиятельных моделей социальной эволюции в XX в., должна быть признана кардинально неполной.

В канонической версии (в изложении современного приверженца Уайта, канадского ученого В. Смита [Smil 1994]) она гласит: с естественно-научной точки зрения, предыстория и история общества могут рассматриваться в конечном счете как стремление управлять все большими объемами и потоками энергии. Наши наблюдения показывают, что использование больших объемов энергии становится разрушительным для системы: внутренне разбалансированные социумы последовательно выбраковывались из исторического процесса, подрывая экологические и/или (гео)политические основы собственного существования.

Такова причинная схема надлома и гибели многих очагов цивилизации в прошлом. Наиболее наглядные иллюстрации из современности в изобилии содержит этнографическая литература: приобщение первобытных племен к современным европейским технологиям часто оборачивается катастрофами. Вот только один характерный пример. Во время вьетнамской войны охотники из племени горных кхмеров, освоив американские карабины, за несколько лет истребили фауну и перестреляли друг друга. В итоге племя просто исчезло с лица Земли...

Едва ли нужно долго доказывать, что разбалансировка инструментального и гуманитарного интеллекта в значительной мере объясняет и многие из глобальных проблем современного общества. В этом контексте гипотеза техно-гуманитарного баланса представляет не сугубо академический интерес. Она помогает выстраивать и оценивать модели развития мировой цивилизации, отличая реалистические прогнозы и проекты от утопий.

Разумеется, многие аспекты этой гипотезы остаются спорными, но вместе с тем она уже имеет достаточно эмпирических оснований, чтобы не считаться только красивым "мировоззренческим постулатом", по выражению Л. Алаева. Наш исследовательский коллектив продолжает отрабатывать процедуры критической верификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данилов В. П., Зеленин И. Е. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. N 5.
Демоз Л. Психоистория. Ростов-н/Д., 2000.
Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997.
Казанков А. А. Агрессия в архаических обществах. М., 2002.
Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2004.
Diamond J. Guns, Germs and Steel. The Fates of Human Societies. New York-London, 1999.
Rummel R. J. Lethal Politics. Soviet Genocide and Mass Murder Since 1917. New Brunswick (N.J.)-London, 1990.
Smil V. Energy in World History. Boulder (Col) etc., 1994.
Wright Q. Study of War. Vol. 1. Chicago, 1942.